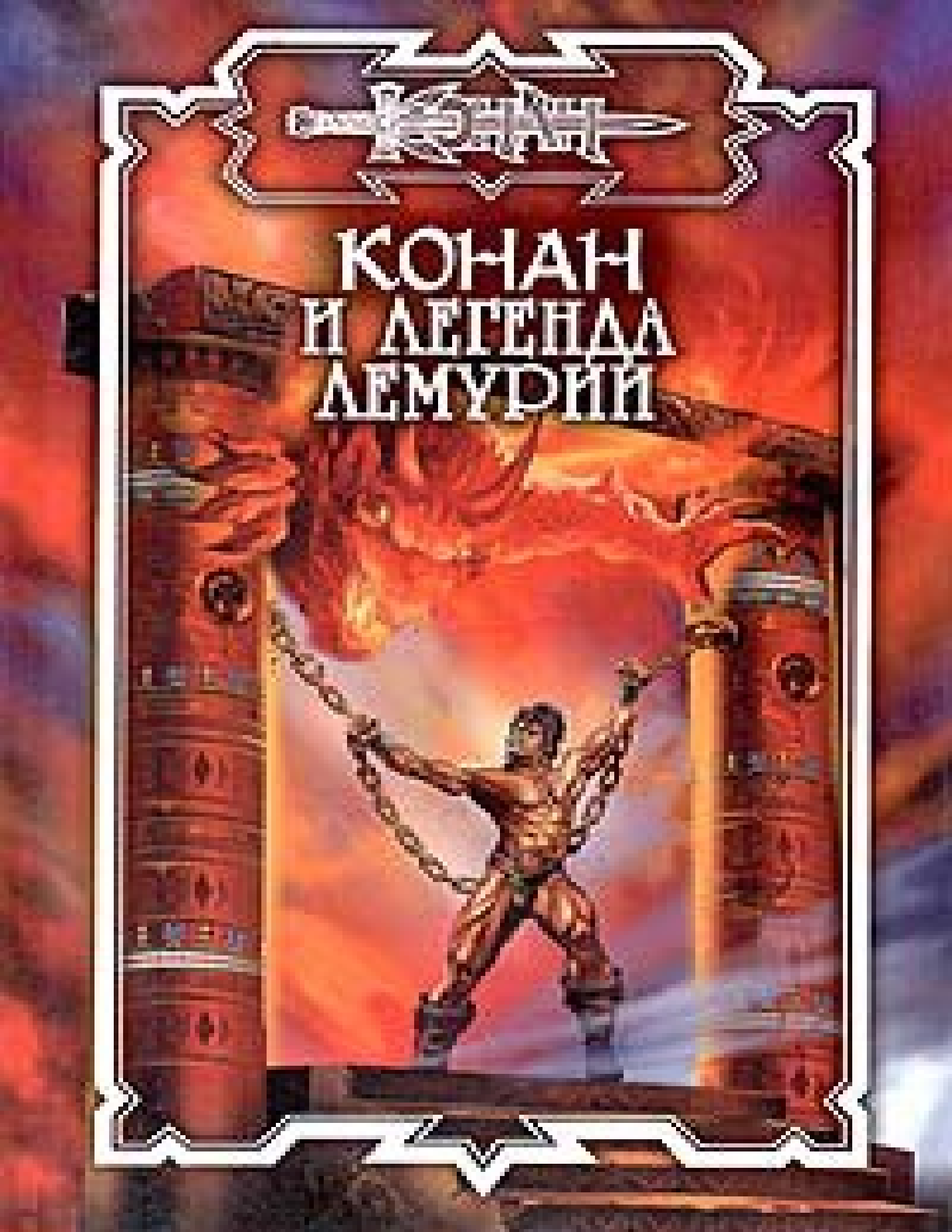
КОНАН
И ЛЕГЕНДА
ЛЕМУРИИ

Annotation

Неугомонный киммериец ни единого дня не может прожить без приключений. Вместе с Ночными Стражами – профессиональными охотниками на нечисть – он отправляется в далекое прошлое, во времена таинственного Роты-всадника, в поисках разгадки кровавой тайны. А по возвращении в Хайборию его захватывает водоворот еще более удивительных событий…

- Джесс Эйвел
  -

Джесс Эйвел
Рыжая кошка

Краткое вступление от Халька Юсдаля

Представляя потомкам свою «Синюю хронику Аквилонского королевства», я никак не мог обойти вниманием некоторые, совершенно неизвестные подробности жизни государя Конана Канах, о коих он не соизволил поведать ни близким друзьям, ни жаждущим новых сплетен о жизни короля придворным.

Случилось так, что в лето 1299 от основания Аквилонии я и король Конан остались наедине в охотничьем домике, что в Руазельском лесу – тогда Его величество был погружен в бездеятельную хандру, и даже Большая Королевская охота не могла его развлечь. С тем мы отбились от основной свиты, предупредив о нашем исчезновении только герольдмейстера двора, барона Ортео, который и был обязан предупредить королеву Зенобию вкупе с вице-королем Просперо Пуантенским о том, что Хальк Юсдаль и Конан Канах будут отсутствовать до утра.

Я, как человек полагающий, что у короля нет от меня тайн (ибо уже много лет являюсь тайным советником короны и личным другом Конана) превесьма изумился, когда киммериец провел меня звериными тропами в затерянный среди чащоб Руазеля охотничий домик, который, по словам Конана, предназначался для «секретных встреч с людьми, о которых никто не должен знать». Я так и не понял, имел ли в виду король «людей» или «встречи».

Мы разожгли камин, киммериец откупорил небольшой бочонок драгоценного нектара – красного вина, именуемого в Шеме «Аибнумские холмы» и погрузился в размышления. Мыслил он вслух, невольно заставляя меня внимать его излияниям. Королевская хандра – ужасная болезнь! Конан изливал на меня свои мысли о государстве и троне, прошлом и будущем, о налогах и морском флоте, а затем… Затем короля слегка развезло. И он, на радость мне, равно как и потомков, кои прочтут сию летопись, рассказал весьма прелюбопытную историю, относящуюся к 1285 году по аквилонскому счету. Веной и осенью того года беспокойный Конан пристал к ватаге знаменитых «Ночных Стражей», сиречь – охотников на монстров, с коими делил тяготы и трудности их жизни в течении нескольких лун. Но после его вынужденного ухода из отряда, возглавляемого неким Гвайнардом из Гандерланда, киммериец умудрился влипнуть в историю, о которой он мне и поведал.

Все, что я описываю ниже, является пересказом слов короля Конана Канах в моем изложении. История рассказывается от лица самого Конана (единственно, я несколько облагородил речи короля, изредка срывавшегося на непотребную в благородном дворянском обществе брань в адрес своих врагов…) Возможно, сию рукопись можно полагать апокрифом, но супротив истины я не погрешил, в чем клянусь свои гербом и дворянской честью.

Смею так же приписать, что имя главной героини я нарочно изменил, дабы не бросить на эту благороднейшую даму даже тени подозрения…

К сему руку приложил – Хальк Юсдаль, личный библиотекарь и тайный советник короля Конана I Аквилонского, из Канахов в день Преполовения, лета 1299 по счету нашего королевства.

Сидя у костра, я точил меч. Вообще-то, необходимости в этом не было, он и так рассекал подброшенный в воздух волос. Просто, полезная это привычка – каждый вечер точить и полировать меч. Дисциплинирует. И еще – помогает думать.

Мечей через мои руки прошло не один и не два, но этот я ценил, пожалуй, больше других. Легкий, чуть изогнутый, с навершием, украшенным темно-красным рубином, с тонкой вязью неведомых мне рун на клинке. Трофей, которым я гордился по праву. Трофей, который когда-то едва не стоил мне головы.

Время тогда выдалось мирное, что, разумеется, хорошо для всех, кроме наемников, вроде меня. Ни войн, ни стычек. Даже разбойники шалили меньше обычного, даже степняки откочевали куда-то – за шесть лет ни одного набега. Я бродил из города в город в поисках дела, и те немногие сбережения, что мне удалось скопить за предыдущие годы, постепенно таяли.

Тут-то мне и предложили работу: выследить и уничтожить предводителя шайки головорезов. Шайку-то накрыли и всех повязали, а вожак их ушел. Я взялся за это дело с радостью, и не только ради звонких монет, хотя платили за него щедро. Просто – не могу долго жить без риска. Кровь киснет, и жизнь становится пресной и бессмысленной. Такой уж я уродился: на одном месте задержаться долго не в состоянии, да и без приключений обойтись не могу.

Парня этого – Голтаргон его звали – я выслеживал месяца три. Осторожен он был и хитер, как зверь матерый. Да зверем же и оборачивался. Когда кабаном, а когда волчарой огромным. Подвела его, пожалуй, самоуверенность. Отчаявшись до него добраться, я начал совершать тщательно продуманные «оплошности», стараясь не оставить у него сомнений, что я на него охочусь. То останавливался в трактире и вечером, прикинувшись захмелевшим, начинал приставать ко всем с расспросами о Голтаргоне. Хвастался во всеуслышание, что скоро приволоку его на праведный суд на цепи, словно медведя на ярмарку. И подробно расписывал, где и как я устрою для него очередную ловушку. Стараясь, разумеется, чтобы услышало меня как можно больше народу. Затея, ясное дело, проваливалась, и я начинал свое представление сызнова, рассчитывая, что в конце концов, моему противнику это надоест. Не может не надоесть.

Конечно, он мог уйти, но он отчего-то считал те места своими и не желал покидать их. То ли зазноба у него там была, то ли держало что-то, а только не захотел он в чужие земли податься. Это его и сгубило.

Голтаргон, надо отдать ему должное, попался на приманку не сразу. Хотя наблюдал за мной, думаю, очень внимательно. И осторожно. Кто другой, может, и не заметил бы, но у меня сызмальства чутье на опасность. Словно холодные пальцы сжимают виски. Уж сколько раз этот дар спасал мою жизнь – не сосчитаешь. Правда, действует он по-разному. Когда за мгновение до беды, а бывает, что и за несколько часов. Не угадаешь.

Так вот, когда Голтаргон надумал превратить меня из охотника в добычу, мне недели три казалось, что я ношу на голове ледяной обруч. Ощущение не из приятных, конечно. Зато я был настороже.

Я прикидывался беззаботным, хотя к концу нашей с Голтаргоном игры начал терять

терпение. К счастью, он, наконец, поверил в мою глупость. Да и я в тот вечер разошелся вовсю – с отчаяния. Орал песни, приставал к девчонке, что разносила вино в трактире, обещал подарить ей голову Голтаргона на золотой цепочке, продетой через уши. А виски ломило от холода, и озноб медленно расползался по всему телу: я чувствовал, что время пришло, и Голтаргон вот-вот нанесет удар.

Я вышел из трактира глубоко за полночь, едва не своротив по дороге стол, и побрел по улице, путаясь в собственных ногах и словах очередной песни. В руках я нес ополовиненный бурдюк с вином и время от времени прикладывался к нему. Есть у меня еще одно свойство: хмельное на меня действует слабо. Почти вовсе не действует. Прежде я считал это недостатком, не без зависти глядя на тех, кому вино помогало забыть о невзгодах, боль унять или просто повеселиться вволю. Теперь то, что я привык считать своим проклятием, обернулось даром судьбы.

Я углубился в лес. Несмотря на оранжевый диск луны, висящий в небе, вокруг было черно, хоть глаз выколи. Я с треском и громогласными проклятиями продрался сквозь заросли, наверняка распугав все зверье, как минимум, на лигу вокруг. Плюхнулся под дерево, поерзал, устраиваясь поудобнее, хлебнул еще вина, неразборчиво, но с чувством выругался, уронил бурдюк и звучно захрапел, привалившись к стволу.

Я ждал нападения – и все же едва не пропустил его. Мой противник сумел подкрасться совершенно беззвучно. В голову мне словно ледяные иглы впились – я инстинктивно откатился в сторону и вскочил, выхватывая оружие, прежде, чем успел сообразить, что происходит. Услышал свист воздуха, рассекаемого клинком, увидел темный силуэт – судя по всему, Голтаргон рассчитывал отрубить мне голову.

Он повернулся ко мне мгновенно – глаза у него светились желтым, словно у зверя. Меч снова запел в воздухе, но я отбил удар, хотя и не без труда. Противник мой двигался быстро, пожалуй, слишком быстро для человека. Да и силищи у него хватало.

Мы бились молча, и у него было преимущество: он явно неплохо видел меня, мне же приходилось сражаться почти вслепую. Мы бились, и я вынужден был медленно отступать под его натиском. Если бы там было чуть-чуть светлее! Я знал заранее, что предстоит иметь дело с оборотнем, но этот оборотень был необычным. Те, которых я встречал прежде, или о которых мне приходилось слышать, не имели никаких особенных способностей, находясь в человеческом облике. Перекидываться могли, это верно. В лисицу или даже в медведя. Но не более того.

Я ожесточенно отбивался, постепенно отступая в том направлении, где – я помнил – была поляна. Только бы не споткнуться!

До спасительной поляны оставалось, по моим прикидкам, не более двадцати шагов, когда мне под ноги подвернулся-таки какой-то корень. Я чудом сумел удержать равновесие и едва не пропустил удар, направленный прямо мне в грудь, И тут вспыхнул свет. Яркий и теплый. Казалось, множество факелов внезапно осветило непроглядный мрак ночного леса.

– Ах, сожри тебя лягушка! – раздался донельзя раздраженный девичий голосок откуда-то сверху. – Перестаралась!

Я не позволил себе зажмуриться, несмотря на резкую боль в глазах. Годы тренировок и скитаний не прошли даром. А вот мой противник такой выдержкой не обладал. Приостановился. На мгновение только, но мне хватило. Мой клинок ударил по кончику его меча, выбивая оружие из рук. Я мог бы убить Голтаргона, но это было бы слишком просто.

Зазорно мастеру искать легких путей. А я считал себя мастером. Мастером клинка.

Мастером выживания. Не-ет, я скручу этого негодяя и доставлю его в город живым. И по дороге ни одной деревни не пропущу – пусть видят, чем закончил тот, кто не один десяток лет наводил ужас на всю округу. И на пленника пусть полюбуются, и на своего избавителя тоже.

Я приставил меч к горлу оборотня пониже короткой светлой бороды. Тот замер, щуря золотистые волчьи глаза и хрипло дыша: все-таки, поединок со мной дался ему не так уж легко, несмотря на все его преимущества.

Свет, между тем, стал мягче. Впрочем, теперь, когда глаза привыкли, это было уже неважно.

– Так лучше? – заботливо спросил все тот же звонкий голосок.

– Если ты спрашиваешь меня, – отозвался я, прижимая острие клинка к шее Голтаргона, – то я не очень-то привередлив. А если… хм… этого, то ему уже, думаю, все равно.

– Тебя, – весело подтвердила невидимая пока девушка. – Мне понравилось, как ты дрался, и я решила помочь.

– Я запомню это, колдунья, – ненавидяще процедил сквозь зубы разбойник. – Сочтемся.

– Это вряд ли, – я покачал головой.

А вот нельзя отвлекаться, даже если противник обезоружен, и лезвие твоего клинка упирается ему в горло. И я тут же поплатился за свою самоуверенность. Голтаргон перекинулся мгновенно – ни один оборотень на моей памяти не умел такого. Приземистый человек в кожаной одежде исчез, и кончик моего меча, только что приставленный к его шее, беспомощно повис в воздухе. Здоровенный кабан с места рванулся вперед и неминуемо выпустил бы мне кишки, если бы я чудом не успел отскочить в сторону. Клык прошел вскользь, распоров на мне куртку и рубаху и располосовав кожу. Вепрь-оборотень развернулся, готовясь снова кинуться на меня – хорошо еще, что деревья росли слишком густо, чтобы у него было достаточно места для разгона.

Не-ет уж, голубчик, я решил тебя взять живьем и возьму. Я надавил пряжку пояса, и в ладонь мне удобно легла метательная игла, густо намазанная сонным зельем. Пользовался этим оружием я крайне редко, предпочитая полагаться на меч и свое воинское умение. Но с собой на всякий случай носил. Вот и настал тот случай.

Кабан помчался ко мне – я отпрыгнул и метнул свое оружие вслед пронесшейся мимо туше. Игла глубоко вошла в бок зверя.

Все. Теперь ему не уйти. Испытанное снадобье валило с ног через несколько ударов сердца – зверя ли, человека, без разницы.

Вепрь опять развернулся ко мне, и вдруг замер, уставившись на меня крошечными глазками. Но вместо того, чтобы осесть на землю, как я ожидал, кабан неожиданно припустил прочь. Я не поверил своим глазам.

– Погоди, я с тобой, – раздался шорох, и с дерева с беличьей ловкостью соскользнула давешняя девушка. – Этому-то свет без надобности.

Мы мчались за кабаном через лес, причем моя неожиданная спутница и не думала от меня отставать. У нее не было никакого светильника – казалось, свет исходил от нее самой. Впрочем, меня на тот момент мало занимало ее колдовство. Меня тревожил кабан, который продолжал упорно ломиться сквозь заросли, не собираясь ни останавливаться, ни засыпать.

Я мог бы сократить расстояние, но пока не спешил. Должен же он когда-нибудь выдохнуться, в конце-то концов! Впрочем, Голтаргон, хотя и не выглядел усталым, вел себя

беспокойно. Метался из стороны в сторону, словно желая свернуть, но невидимая преграда не позволяла, и он несся дальше.

Я покосился на свою спутницу. Она поймала мой взгляд, широко улыбнулась и неожиданно подмигнула:

– Все продумано, охотник за оборотнями.

– Куда ты ведешь его? – выдохнул я.

– Увидишь.

Это мне совсем не понравилось, но возразить я не успел. Раздался истошный визг, и вепрь исчез.

– Остановись, – девушка вцепилась в мой рукав. – Не то улетишь вслед за ним.

Мы перешли на шаг и остановились у кромки обрыва. Внизу шумела река.

– Там дальше пороги, – сказала девушка. – Он не выберется.

– Зачем? – сердито спросил я. – Он был мне нужен живым.

– Тебе? Не рассказывай мне сказки, охотник.

Я свирепо посмотрел на нее и встретил безмятежный взгляд светло-зеленых, словно весенняя листва, глаз. Росточком моя спутница едва дотягивала мне до груди, и все же у нее каким-то образом получалось смотреть на меня, словно бы сверху вниз.

Только сейчас я смог разглядеть девушку. Золотисто-рыжие кудри до плеч, в которых запутались еловые иголки. Чуть вздернутый нос, острый подбородок, лукаво приподнятые уголки рта. Не красавица, отнюдь не красавица. И все же было в ней что-то такое, отчего у меня тут же прошла вся злость.

– Ладно. Не мне. Тем, кому я обещал разделаться с этим разбойником.

– Им – да. Но мне – мне, охотник, совершенно не нужно, чтобы Голтаргон был схвачен живым.

– Так ты его знаешь… знала?

– Пф-ф! – она фыркнула, забавно сморщив нос. – Он мой ученик, – сдвинула светлые брови. – Бывший.

– Так это ты…

– После все объясню, – она решительно тряхнула кудряшками. – У тебя весь живот в крови. А клыки у нашего общего знакомца были, вообще-то, ядовитые, чтоб ты знал.

– И что?

– Ну, у тебя есть на выбор два варианта, – она принялась деловито выбирать из волос хвоинки. – Или пару дней погостить у меня в замке, здоровье поправить. Или пожить самостоятельно… еще пару часов.

– В замке?

– Пф-ф! Решайся, что ли, охотник. Недосуг мне полночи в лесу торчать. Дела, между прочим.

– А где…

Договорить я не успел. Девушка закатала рукав куртки, коснулась пальцами широкого серебряного браслета на запястье, быстро пробормотала несколько слов, и прямо в воздухе перед нами возникли призрачные очертания открытой двери. Моя спутница нетерпеливо дернула подбородком, предлагая мне войти. Судя по всему, в моем выборе она нисколько не сомневалась.

– Ну, вот, теперь ты выглядишь намного лучше, – без церемоний заявила хозяйка замка,

когда на следующий день я, умытый и причесанный, спустился в гостиную.

– Ты тоже, – ухмыльнулся я.

И ничуть не покривил душой. Изумрудно-зеленое платье шло моей спасительнице гораздо больше, чем мужской наряд, в котором я видел ее накануне. А глубокий вырез поневоле притягивал взгляд. Девушка заметила это и лукаво улыбнулась:

– Кстати, я так и не представилась. Кештиора Арнамагелльская, волшебница в пятом поколении, магистр Ордена Рубинового Трезубца и победительница трех подряд ежегодных магических турниров в Замке Единорога.

Она замолчала, явно ожидая, что ее слова произведут на меня должное впечатление. Вот только я отродясь ничего не слыхал ни о Кештиоре Арнамагелльской, ни об Ордене Рубинового Трезубца, ни о Замке Единорога. Не то, чтобы я не любил колдунов, иной раз и от них польза бывает. Просто – старался держаться от них подальше, полагаясь на честную сталь безо всех этих магических выкрутасов.

Похоже, великая волшебница Кештиора догадалась об этом и обиженно поджала губы.

Я вежливо улыбнулся:

– Конан из Киммерии. Для друзей – просто Конан. Ты спасла мне жизнь, Кештиора, и я теперь твой должник.

В ее глазах промелькнула ласковая и чуть печальная усмешка: так взрослый мог бы ответить на предложение ребенка помочь ему в битве. Что ж, улыбайся, всесильная чародейка. Я не в обиде. Как знать, быть может, когда-нибудь ты поймешь, что простая сталь порой побеждает там, где бессильна магия.

– Ты можешь называть меня Кешт.

– Благодарю, Кешт. Могу ли я спросить тебя кое о чем?

– Спрашивай, – она пожала точеными плечиками, наполнила два хрустальных бокала золотистым вином из тяжелого бронзового кувшина, протянула один мне и указала на кресло.

– Ты сказала, что Голтаргон – твой ученик. Как такое могло случиться? На его совести десятки загубленных жизней, а ты…

– А я не произвожу впечатления злодейки, – закончила она за меня. – Но ведь все очень просто, Конан-охотник. Видишь ли, я не учила его ни воевать, ни разбойничать. Я учила его магии… пыталась учить.

Между светлых бровей залегла сердитая складочка. Я отметил про себя, что гнев очень идет Кешт. Впрочем, улыбка ей шла не меньше.

– Особыми талантами он не блистал, – сказала волшебница, покачивая бокал в изящных пальчиках и любуясь игрой янтарных бликов. – И трудиться не желал тоже. Хотел всего и сразу. А так в нашем ремесле не бывает.

Я подумал про себя, что так не бывает ни в каком ремесле, но говорить ничего не стал. Не хотел ее прерывать.

– В конце концов, я так ему и сказала: попробуй, мол, себя в каком-нибудь другом деле, потому что здесь ты только теряешь зря время.

– А он?

– Он попросил наделить его способностью к оборотничеству. На прощание и в память о его жизни в Арнамагелле. У самого-то получалось через раз, в лучшем случае.

– И ты наделила? – против воли, в моем голосе прозвучал упрек.

– Наделила, – она приподняла брови. – А почему бы и нет? Я не отказываю просящим. К

тому же, я опробовала на нем новый метод, который как раз пришел мне тогда в голову. И согласись, получилось неплохо. Очень и очень неплохо.

Она улыбнулась, откровенно гордясь своим мастерством.

– Да уж, неплохо. Полагаю, жители деревень, вокруг которых хозяйничал твой любимчик, премного благодарны тебе, – съязвил я. – Их-то ты за что осчастливила?

– Я ничего им не сделала, – она раздраженно дернула уголком рта. – В Арнамагелле Голтаргон мухи не обидел. А потом… потом он уже не имел ко мне отношения.

– Но почему ты не уничтожила его? Ведь это ты дала ему силу! Твой долг…

– Я волшебница, Конан-охотник, – перебила меня Кешт. – У меня нет обязательств перед людьми. Я помогаю тем, кому мне заблагорассудится и так, как я захочу.

– Но ведь это…

– А ты, – ее высокий голос зазвенел сталью, и я подумал, что Кешт далеко не такая хрупкая девочка, какой выглядит. И далеко не такая юная. – Ты сам разве не поднимаешь свой меч в защиту того, кто заплатит? Я-то хоть делаю выбор, руководствуясь собственными предпочтениями, ты же продаешь свою силу и воинское умение.

Я отвел взгляд. Возразить на это мне было нечего.

– Каждый из нас живет так, как может и хочет, – тихо сказала Кешт. – Я не могла убить Голта. Я помню его мальчишкой. Восторженным, неуклюжим, наивным. Но я дала себе слово, что помогу тому, кто остановит его.

– А говорить с ним ты не пыталась? – Я не смотрел на нее. Уставился в камин, где плясал огонь.

– Пыталась, – она вздохнула. – О результате можешь догадаться.

– Он сам по себе, ты сама по себе. Понимаю.

Вино внезапно показалось мне горьким.

– Ему долго не находилось достойного противника, – задумчиво сказала Кешт.

– Но разве ты не могла помочь тем, кто пытался ему противостоять? Наделить их тоже какими-нибудь… способностями? – Я снова поглядел ей в лицо.

– Я не отказываю *просящим,* – Кешт спокойно выдержала мой взгляд. – Никто не *просил* моей помощи, Конан-охотник.

– Но мне ведь ты помогла.

– Не удержалась, – щеки волшебницы чуть порозовели. – Ты мне понравился.

– Понравился?

– Мне нравилась твоя отвага, – Кешт, не отрываясь, смотрела на меня внезапно заблестевшими глазами. – Знаешь, немногие решались встать Голтаргону поперек дороги. А из тех, кто решился, не выжил никто. И то, что ты не кинулся в бой очертя голову, как твои предшественники, а старался усыпить бдительность Голтаргона, чтобы ударить наверняка, мне понравилось тоже. Я не хотела, чтобы ты погиб, Конан-охотник. Ты слишком умен для этого. И слишком, – уголок ее алого рта лукаво изогнулся, – красив.

– Но зачем ты убила его? Зачем помешала мне исполнить задуманное?

– Затем, что он всё равно сумел бы освободиться. Да не хмурься, я не говорю, что его упустил бы ты. Не-ет, ты, конечно, доставил бы его к месту назначения в лучшем виде. Просто тех, кто давал тебе задание, я знаю достаточно. Рано или поздно, он вырвался бы на свободу. Если не силой, так хитростью, или подкупил бы кого. Да и знает он многое. Не один и не двое в городе были вовсе не так уж заинтересованы в поимке Голта, как хотели бы показать.

Она помолчала.

– А потом бы он начал мстить.

– Тебе?

– Пф-ф! Что может мне сделать этот мальчишка?! Нет, он бы постарался достать тебя. Или – выместить зло на тех, кто не в состоянии от него защититься. Раз уж я решила действовать, надо было довести дело до конца.

– Но ты уверена, что он погиб?

– Там пороги, Конан. Волны, острые камни. На протяжении лиги. Я успела наложить на Голта заклятье, не позволяющее изменять облик. Вряд ли он сумел выбраться.

– Вряд ли?

– Я уверена в этом, Конан. В дверь постучали.

Кешт улыбнулась вошедшей – невысокой девушке с русой косой, падающей на грудь:

– Принесла? Умница, Ари. Знакомьтесь. Конан, охотник, воин и следопыт. Ариниона, моя ученица.

Девушка вскинула на меня серьезные серые глаза. Я вежливо наклонил голову.

В руках Ари держала меч. Тот самый, выбитый мною из рук Голтаргона в лесу. На темном рубине, украшающем навершие, играли пурпурные блики.

– Твой трофей, – улыбнулась Кешт. – Возьми этот меч себе, право же, он того стоит.

Ари отдала мне клинок и вышла.

Кешт поднялась, поставила бокал с недопитым вином на стол, не спеша приблизилась ко мне.

– Как ты себя чувствуешь, Конан?

– После твоего лечения – великолепно. Как новенький.

В вырезе ее платья поблескивал изумруд на серебряной цепочке.

– Могу хоть сегодня пуститься в путь, – сказал я, в глубине души отчаянно ища повод задержаться.

– Так быстро? – Кешт присела на подлокотник моего кресла. Зеленые глаза ее оказались почти вровень с моими. – Какая в этом нужда?

– Я мог бы…

Тонкий пальчик лег на мои губы, заставляя умолкнуть.

– Ты мог бы остаться, Конан. И я буду рада, если ты задержишься здесь, охотник. Столько, сколько захочешь.

Что ж, меня не требовалось упрашивать. В моей жизни было полно дорог и впереди их оставалось не меньше. Дороги могут и подождать. Куда они денутся, дороги?

* * *

Я полюбовался игрой бликов на клинке и убрал меч в ножны. Откинулся на спину, заложив руки за голову и глядя в небо. Там, наверху, разгулялся ветер, гнал серые облака, яростно рвал их в клочья, и в прорехах то тут, то там, выглядывали холодные звезды.

До Арнамагелля оставалось полдня пути. Завтра, после многих лет войн и скитаний, я снова увижу Кешт.

* * *

Замок был пуст. Я почувствовал это сердцем прежде, чем спешился во дворе, прежде, чем торопливо зашагал по гулким, выстуженным коридорам, заглядывая во все двери.

– Кешт!

Ни звука в ответ. Замок не был разрушен – казалось, хозяева оставили его лишь ненадолго. Но в уютных комнатах и больших залах поселились холод и липкая, тревожная тишина.

Люди покинули это место. И покинули не вчера.

Я медленно вышел за ворота, ведя коня в поводу. Я понятия не имел, что делать. Я не знал, что случилось здесь и где искать Кешт. Я был уверен только в одном: с рыжей волшебницей случилась беда.

* * *

Где же мне искать тебя, Кешт? Сказал ли я это вслух или только подумал, а только мне внезапно ответили. Невдалеке мяукнула кошка. Ничего особенного, казалось бы, но мне отчего-то вдруг нестерпимо захотелось увидеть эту кошку. Я поднялся и отошел от обрыва, на краю которого сидел, глядя на катящиеся внизу тяжелые волны реки. Мяуканье повторилось. Ближе. Я шагнул было к деревьям, из-за которых оно раздавалось, но мне навстречу уже метнулась рыжая молния, острые коготки вцепились в одежду – миг, и кошка оказалась у меня на плече, ткнулась острой мордочкой в щеку и замурлыкала.

Следом за ней из-за деревьев показалась Ари. Бледная, с растрепавшейся косой и остановившимся взглядом.

– Ариниона.

Она повернула голову и посмотрела на меня, словно не узнавая.

– Ари, – я подошел ближе. – Ари, где Кештиора?

Губы девушки дрогнули, серые глаза наполнились слезами. Ари ткнулась носом мне в плечо и заревела в голос.

Мне пришлось немало повозиться, прежде чем Ариниона перестала рыдать. Я обнял девушку за тонкие плечи, на которые была накинута моя куртка, и осторожно забрал у нее из рук фляжку с вином, к которой она то и дело прикладывалась.

– Ари, – сказал я как можно мягче, – расскажи мне, что произошло.

Она всхлипнула было, но тут рыжая кошка, смирно лежавшая у костра, внезапно вскочила, выгнула спину, вздыбила рыжую шерсть и сердито зашипела на девушку.

– Да, да, – торопливо сказала Ари. – Я все рас… скажу. Прости, наставница.

Наставница? Похоже, девушка заговаривалась. Знать бы еще, что ее довело до такого состояния.

Кошка фыркнула и принялась энергично умываться. Ари внезапно успокоилась.

– Все случилось еще в начале весны, – она вытерла щеки ладонями и уставилась в огонь. – Явился какой-то маг, молоденький, никому не известный, белобрысый такой. Звали его… Нарвад, кажется. Или Норволд. Как-то так. Ездил по всей округе, силой свой похвалялся и говорил, что приехал, мол, избавить людей от рыжей ведьмы, наславшей

моровое поветрие.

Кошка оторвалась от своего занятия и снова фыркнула, сверкнув изумрудными глазами.

Ари вздохнула:

– А поветрие было на самом деле, только госпожа Кештиора здесь не при чем. Она-то как раз остановила его, не пустила дальше. И больным мы с ней помогали, кое-кого даже и выходить удалось. Да ведь, если беда приходит, люди всегда виноватых ищут. А госпожа Кештиора – она ж на виду. И на них не похожа. Умерли тогда многие. Вот… так все и вышло.

– Постой, постой, ничего не понял. Что вышло-то? Куда подевалась твоя наставница? Она хотя бы жива?

Ари молча показала глазами на кошку. Та лежала, аккуратно поджав лапки, и шевелила острыми ушами. Словно к разговору прислушивалась.

Я вздохнул, но почел за лучшее промолчать. В конце концов, если рассказ Ари что-нибудь прояснит, и я сумею найти Кешт, та, быть может, сумеет помочь ученице.

– Она здесь, – очень тихо сказала девушка. – Я не сумасшедшая, господин Конан. Просто… госпожа Кештиора не может превратиться обратно.

Кошка повернула к нам голову, навострив уши.

– Но почему ты не позвала на помощь? Этих ваших… из Ордена?

– Кештиора Арнамагелльская исключена из Ордена Рубинового Трезубца. За поединок и убийство себе подобного.

– Этого, белобрысого? – прищурился я.

– Да… Слухи расходились все шире… кажется, госпожа говорила с ним, но, видимо, безуспешно. Пыталась выяснить, откуда он взялся, но о нем никто прежде не слышал. А потом он явился в Арнамагелль во главе огромной толпы. И бросил госпоже вызов.

Она опустила голову.

– И?..

– Ну, ты же знаешь госпожу Кештиору. Она рассердилась, просто в ярость пришла. Я, говорит, сейчас проучу этого зарвавшегося щенка, он у меня узнает, что такое настоящее волшебство, будет помнить Кештиору Арнамагелльскую.

Я понимающе кивнул. Да-а, моя Кешт всегда отличалась завидным темпераментом.

Губы девушки задрожали, и я поспешно сунул ей фляжку в надежде избежать нового приступа рыданий. Помогло.

– Выскочила она за ворота – там эта толпа. Кто с кольями, кто с камнями. Я хотела остановить ее, они же словно обезумели, да только разве госпожу Кештиору удержишь, если уж она что решила. Я думала – убьют ее на месте.

– Убьют? Волшебницу такого уровня?

– Ну… Понимаешь, это, в общем, непросто, но если пара сотен разом навалится…

– Н-да. И что было дальше?

Девушка сконфузилась:

– Я из окна смотрела, наружу не вышла. Я же учусь только, что бы я против них смогла? А она… госпожа Кештиора только появилась в воротах – и все замолчали. А потом…

Она внезапно покраснела и прыснула в кулачок.

– Потом она наложила заклятие распада.

– На людей?

– Нет. На их одежду. И знаешь, они как-то сразу забыли о своих претензиях к ней. Я давно не видела, чтобы кто-нибудь бегал так быстро.

Кошка мурлыкнула и облизнулась с таким видом, будто только что полакомилась изрядной порцией сметаны. Несмотря на всю серьезность положения; я засмеялся. Кешт была верна себе.

– А белобрысый?

– Белобрысый остался один. На него-то, ясное дело, ничего не подействовало. Маг ведь. И вот тут-то госпожа Кештиора говорит, мол, сейчас я на тебе, голубчик, новое заклятие испытаю. Сам, говорит, напросился.

– Что за заклятие? – спросил я без особой охоты. Терпеть не могу всех этих магических штучек, одни беды от них.

– Я не знаю, господин Конан. Новое оно было, неопробованное.

– Так Кештиора ошиблась?

– Нет! – горячо вступилась за наставницу Ари. – Она никогда не ошибается. Просто – в последний момент этот тип вытащил Зеркало.

Я уставился на нее в изумлении, не вполне понимая, зачем волшебнику в разгар магической схватки понадобилось смотреться в зеркало.

– Зеркало госпожи Кештиоры. Оно обращает любое заклинание на того, кто его творит.

– Но откуда оно у него оказалось?

– Она его потеряла. Тогда, в лесу, когда тебя встретила. Вы бежали, она его выронила, да так оно и пропало.

Я еле успел прикусить язык, чтобы не высказать все, что я думаю о растяпах, которые таскают с собой по лесу ценные магические предметы, да еще умудряются их терять.

– Так она хотела превратить белобрысого в кошку, что ли?

– Не знаю, в кого или во что. Думаю, она успела в последний момент изменить заклятие, когда сообразила, что происходит. Кошка, вообще-то, ее любимый облик. Только вот она теперь не может превратиться обратно. И магией пользоваться не может.

– А белобрысый?

– Зеркало убило его. Видишь ли, все творения госпожи Кештиоры сделаны так, что уничтожают на месте того, кто использует их против создательницы. И только она сама может остановить это. Но она-то как раз в тот момент и лишилась силы.

– И что?

– Зеркало разлетелось вдребезги. От белобрысого осталась лишь кучка пепла.

– Ей бы следовало делать свои игрушки такими, чтобы они не действовали на нее, – проворчал я. – Вместо того, чтобы фейерверки устраивать. Хотя фейерверки, конечно, впечатляют сильнее. Если зрители остаются живы.

Кошка обиженно фыркнула и демонстративно повернулась ко мне хвостом.

– Замок пуст, – сказал я. – Почему вы ушли оттуда?

– Искали способ снять с госпожи Кештиоры это заклятие. Кое-кто из ее старых друзей пытался помочь, да все без толку. Заклятие новое, а госпоже всегда удавалось придумывать нечто такое, в чем никто, кроме нее, разобраться не мог. Вот и теперь не сумели.

– А почему они не явились к вам в замок? Почему вам пришлось отправиться к ним?

– Боятся. Госпожа Кештиора теперь вроде как вне закона, помогать ей никто из волшебников не вправе. Сражения между магами строжайше запрещены.

– Но разве не белобрысый начал вражду?

– Неважно, кто первый начал. В таких случаях вне закона объявляют обоих. Или – того, кто остается в живых. Наверное, поэтому, подобные поединки случались за последние семь

столетий всего раза три.

– Но в замке прежде жили люди. Теперь же он словно вымер.

– Люди боятся жить в замке, хозяйка которого утратила силу. Они считают, что там поселилось зло. Они ушли на следующий же день после того, как случилась беда.

– Ясно.

Я помолчал, соображая, как можно помочь Кешт. На первый взгляд, все возможности были уже исчерпаны. И все же…

– Скажи, Ари, как ты объясняешься с Кештиорой?

– Знаками, – спокойно ответила девушка.

Словно в подтверждение ее слов, кошка поднялась, отряхнулась, подошла ко мне и, задрав мордочку, коротко, но очень требовательно мяукнула. Я вопросительно посмотрел на Ари.

– Она хочет, чтобы мы следовали за ней, – сказала девушка.

Что ж, я не особенно сомневался, что рыжая волшебница знает, что нужно делать. Вот только сумеет ли она объяснить это нам?

Кошка быстро бежала по пустым коридорам замка. Мы с Ари едва поспевали за ней. Поворот, лестница вниз, дверь, еще поворот, короткая анфилада комнат, лестница вверх. Перед последней дверью кошка остановилась, словно в нерешительности, и уселась, обернув лапки пушистым хвостом.

– Дверь в ее личную мастерскую, – пояснила мне Ари. – Закрыта заклятием. Нам не войти.

Я критически осмотрел преграду.

– Пожалуй, я смогу ее выломать. Надеюсь, ты не обидишься, Кешт?

Кошка фыркнула и мотнула головой.

– Не выломаешь ее, – Ари вздохнула. – Магия не позволит. Тут в двери окошко есть, и я, скорее всего, сумею его открыть, да только, кроме госпожи Кештиоры туда никто не пролезет.

Кошка утвердительно мурлыкнула.

С окном Ари возилась не менее получаса. Мы с Кешт терпеливо ждали. Наконец, в двери появилась едва заметная щель, углубилась, очерченный ею квадрат стал прозрачным и, наконец, растаял. Отверстие оказалось примерно на уровне моей груди. Оно было явно рассчитано на рост хозяйки.

Я поднял Кешт с пола и помог ей забраться в окно. С той стороны двери раздался мягкий удар лап об пол. Нам с Ари оставалось только ждать.

Кешт ныряла в окошко трижды. Сначала вытащила в зубах небольшой полотняный мешочек, потом кусок древесной коры с продетым через него кожаным шнурком и наконец, маленькую металлическую коробочку. Мешочек и амулет я повесил на шею, коробочку засунул в поясной кошель.

Мы отправились в путь сразу: задерживаться в покинутом доме никому из нас не хотелось.

Замок, казалось, тревожно смотрел нам вслед темными провалами окон. Впрочем, кроме меня, увидеть это было некому. Ни Кешт, ни Ари оглядываться не стали.

* * *

Добравшись до перекрестка, я спрыгнул с коня и опустил на землю кошку, которая ехала, сидя на седле впереди меня.

– Куда теперь, Кешт?

Вместо того, чтобы показать дорогу, как я ожидал, кошка быстро вскарабкалась на меня, цепляясь когтями за одежду. И потянула зубами за мешочек, висящий у меня на груди.

Я снял его, развязал, но заглядывать внутрь не спешил.

– Что это, Ари?

– Земля, – ответила девушка. – Земля, собранная у входа в Каменную Пасть.

Если бы не многолетняя выдержка, я бы вздрогнул.

– Кому, ради всех богов, понадобилось подходить близко к Пасти? Это же самоубийство. Ари!

– Единственное место, где госпожа Кештиора может вернуть себе облик и силу, это Каменная Пасть, – тихо сказала девушка. – Волшебник становится волшебником, лишь пройдя через Пасть. Правда, не все выходят оттуда живыми. Только трое или четверо из десяти.

– А… ты?

– Я пока не волшебница. Но когда закончу учиться, я тоже должна буду туда отправиться.

– Но как вы его находите? Он же вечно меняет расположение?

Не раз и не два случалось, что люди вынуждены были покидать обжитые места, если поблизости оказывалась Каменная Пасть. Такое селение было обречено: в нем переставали рождаться дети, болел скот и бесплодной становилась земля. Те, кто уходили сразу, обычно в конце концов приживались на новом месте. Но чем дольше человек задерживался поблизости от Пасти, не решаясь бросить свой дом, тем меньше было у него шансов остаться в живых. Нет, его не поражала никакая хворь, с ним не происходило несчастного случая, он просто медленно угасал, словно что-то высасывало из него жизнь. Из тех же, кто пытался подобраться к Пасти ближе, не вернулся никто.

– Волшебник, обретший силу, набирает у входа в Пасть три горсти земли. Потом она помогает его ученикам найти это место.

– Или ему самому?

– Насколько я знаю, никто из волшебников ни разу не пробовал возвращаться туда. И никто никогда не рассказывал о том, что там увидел.

– И – Кешт?

– Госпожа Кештиора тоже молчала.

Я осторожно высыпал немного земли из мешочка в сложенную ковшиком ладонь и вздрогнул от непонятного отвращения. Растер сухие комочки в пыль. И тихо ахнул, когда невесомые крупинки серо-коричневым облачком взлетели с руки, словно подхваченные легким порывом ветра, закружились в воздухе, вытянулись в линию и через мгновение скрылись вдали.

Теперь мы знали направление. Юго-восток.

Мы не мешкали, но и не торопились. Провал – не то место, где хочется оказаться. Я многое повидал в этом мире и не раз смотрел в лицо смерти, я никогда не был трусом, но больше всего на свете мне хотелось повернуть назад. И я повернул бы, если бы не Кешт.

Мы почти не взяли с собой припасов – в замке почти ничего не осталось. Но после нескольких лун похождений в рядах Ночной Стражи, с которой я провел очень множество

запоминающихся дней, деньги у меня водились. Мы ночевали в трактирах, иной раз задерживаясь даже на пару дней для отдыха, а в последнем селении основательно запаслись провизией впрок. Впереди на многие лиги простирался лес, и ни один из местных охотников не мог похвастаться, что знает его весь.

Проводник, которого я нанял, распрощался с нами через четверо суток и повернул назад. Рубеж, до которого он нас довел, не удавалось преодолеть никому из их селения. Серые топи. Гиблое болото, перейти которое не удавалось еще никому. Ни перейти, ни обогнуть: оно тянулось полосой от одного края леса до другого, перекрывая путь. А по сторонам леса – горы непроходимые.

Я остановился на краю трясины и снова отсыпал в горсть земли из мешочка и растер в пыль, втайне надеясь, что Каменная Пасть снова переместилась, и не придется нам лезть в эту топь.

Но облачко, поднявшееся с ладони, улетело туда, где вспухали пузыри на поверхности голубовато-серой вонючей жижи. И ошибиться тут было невозможно.

Я молча вырубил два посоха, отмахиваясь от полчищ кровососов, накинувшихся на нас, и протянул один Ари.

– Твоя магия как-нибудь может помочь нам?

Девушка молча покачала головой, отвела взгляд. Коней своих мы оставили в селении на краю леса: здесь им все равно не пройти.

– Что ж, девочка. Понадеемся на удачу. Больше нам рассчитывать не на что.

Я потер виски – казалось, голову сжимает ледяной обруч. Глубоко вздохнул и приготовился сделать первый шаг по трясине. И тут кошка с мяуканием метнулась мне наперерез.

– Чего она хочет? – спросил я Ари.

– Похоже, – девушка напряженно сдвинула брови, – она хочет идти впереди.

Медленно, шаг за шагом, мы продвигались вглубь Топей. Тучи насекомых вились над нами, забивались в нос и в рот, лезли в глаза – вскоре на нас не осталось живого места. Я не смотрел назад, я не смотрел вперед, я не смотрел под ноги. Я не чувствовал времени, а вскоре перестал ощущать и укусы насекомых, и чудовищное зловоние, царившее вокруг. Мир исчез – остались только узенькая холодная ладошка Ари в одной руке и шершавая кора неоструганного посоха в другой. И впереди – рыжее пятнышко, единственная наша надежда.

Я не сразу заметил, что ступаю уже по твердой земле. А когда заметил, не сразу поверил в это. Качнулось перед глазами бледное, измученное личико Ари – я еле успел подхватить ее, она готова была упасть. Я опустил девушку на траву и уселся рядом, гладя ее по голове, а по щекам ее неудержимо катились слезы.

– Ну, будет, будет, – шептал я. – Ведь мы прошли. Мы живы, мы совершили невозможное, мы победили, Ари.

Кешт прищурила изумрудные глаза, отряхнулась и принялась невозмутимо вылизывать лапки.

* * *

– Что же нам теперь делать? – Голосок Ари звучал почти умоляюще. – Как мы переберемся на ту сторону?

– Вероятно, нам придется срочно отрастить себе крылья, – съехидничал я и тут же пожалел об этом, потому что губы девушки жалобно дрогнули и глаза наполнились слезами. Впрочем, утешать ее мне было некогда. Я действительно не представлял, как нам преодолеть эту реку.

Кешт подошла к самому краю обрыва, припала к земле и осторожно заглянула вниз, туда, где ревело и бесновалось жидкое пламя. Огненная река. Слишком широкая, чтобы перепрыгнуть. И не из чего соорудить мост. Единственное дерево – на том берегу. Кряжистый дуб, наполовину опаленный жаром реки, но все еще живой, все еще тянущий над потоком кривые ветви.

Ветви. Я достал из мешка веревку. Ветви достаточно толстые и с зелеными листьями. Не сломаются, выдержат. И веревка выдержит. Одного.

– Ты хочешь прыгать? – губы Аринионы побелели.

Я сделал на конце веревки скользящую петлю и подошел ближе к краю обрыва, примериваясь.

– Но ведь веревка может загореться. Смочить бы ее.

Я обернулся к девушке:

– Чем смачивать? Уже больше недели ни реки, ни ручья. Воды по полфляги осталось. Истратим – а ну, как на той стороне такая же сушь? Ты можешь наколдовать воду?

– Попробую…

Кешт, прижав уши, задом попятилась от края обрыва. Похоже, здесь она ничего не могла поделать. Оставалось надеяться, что у Ари хватит умения.

Я уселся на землю, посадил кошку к себе на колени и почесал за ухом. Оставалось ждать.

– Не получается, – с отчаянием сказала, наконец, Ари. – Я никогда еще не пробовала этого делать. Только в книгах читала.

– Ясно, – вздохнул я. – Что ж, значит, рискнем. Все равно иного выхода у нас нету.

Петля туго затянулась на ветви дуба.

– Ари, давай! Я за тобою.

– Нет, – она покачала головой. – У нас только один амулет. Поверхность реки слишком близко, жар даже здесь чувствуется. Без амулета ты сгоришь, прежде, чем коснешься противоположного берега. Кому-то придется остаться.

Я потянул ремешок с шеи:

– Прыгнешь сначала ты. Потом привяжешь амулет к камню и перебросишь сюда.

– Не получится. Посмотри.

Я проследил за ее взглядом: веревка дымилась.

– Прыгайте, месьор Конан. Вы еще успеете… может быть. Я – нет.

Я быстро пожал ее маленькую ладонь. Забросил на плечи мешок, самым непочтительным образом сунув туда Кешт. Впрочем, она ничего не имела против.

Покрепче ухватился за веревку, изо всех сил оттолкнулся ногами от края обрыва.

Может быть…

Я летел сквозь огонь – то ли несколько мгновений, то ли вечность. Вокруг с треском неслись вверх искры, и языки пламени лизали мои подошвы.

… А потом я с размаху грохнулся на сухую бесплодную почву. Невредимый, если не считать локтя, которым я хорошо приложился об камень. Поднялся. Повертел в руках и отбросил обгоревший кусок веревки.

Успел.

– Прощайте, господин Конан! – донеслось с того берега.

– До встречи, Ари!

Лес. Наконец-то, вокруг был нормальный лес. С поющими птицами. С родниками. С травой и спелыми ягодами. Я почти наслаждался – когда удавалось забыть о цели нашего путешествия. Кешт тоже приободрилась и, кажется, пыталась ловить мышей.

Как-то там Ари? Удалось ли ей выбраться или так и сгинула в пустошах вокруг той проклятой реки? Чему только Кешт учила эту девчонку? Та же ничего не умеет!

Та-ак, а где Кешт?

Я завертел головой, но кошки нигде не было видно. Висков словно коснулись холодные пальцы.

– Кешт?

Откуда-то сверху раздалось мяукание.

– Слезай. Полон лес мышей, уж птиц-то можно оставить в покое?

– Мя-ау! – и шорох когтей по коре.

Я задрал голову. Рыжая примостилась на ветке и слезать явно не собиралась.

– Кешт, не глупи. Что тебе там понадобилось? Спускайся! – я сказал это резче, чем собирался. Виски начало покалывать, вдоль хребта пополз озноб.

Новый жалобный вопль – и кошка полезла выше.

– Кешт! Ке-ешт! Кештиора Арнамагелльская! Выше.

– Ты ведешь себя, как… последняя кошка!

Я плюнул с досады и полез за ней.

Внизу зашелестели кусты.

Я глянул туда, и холодный пот выступил по всему телу, когда я понял, от чего спасла меня Кешт.

Желтые муравьи. Земля под деревом в один миг покрылась шевелящимся и шуршащим ковром.

Крупные – длиною в ладонь, – они строили муравейники в два-три человеческих роста. И горе было тому человеку или зверю, который осмеливался приблизиться к этой постройке. За считанные секунды от него оставался обглоданный скелет.

Хуже всего было то, что раз в десятилетие, а иной раз и чаще эти твари сходили с ума. Бросали свой муравейник и мчались, уничтожая на своем пути все живое, пока не встречалась на их пути река или озеро. Останавливаться они не умели. Мне рассказывали, что потом вся поверхность воды бывала покрыта их скрюченными трупами. Впрочем, маги и деревенские знахари научились использовать эти останки для приготовления зелий и амулетов и по несколько дней после происшествия плавали на лодках, собирая муравьиные трупы в мешки.

Кое-кто сообразил даже окружать муравейники рвами с водой – на почтительном расстоянии, разумеется. Но здесь водоема не было. Меня отделяли от смерти лишь пять-шесть локтей древесного ствола внизу.

Если эти твари меня почуят…

Кешт замерла где-то у меня над головой. Она ли коснулась меня своей мыслью, спасло ли меня чутье, которое развивается у всякого воина и путешественника, но только я, неожиданно для себя самого, потянул из ножен меч. Изогнулся и приложил его поперек к стволу пониже той ветви, на которой я примостился, поджав ноги. Один из муравьев пополз

вверх, ощупывая усиками кору, за ним другой, третий. Я стиснул зубы.

Усики коснулись металла и отдернулись. Муравей попятился от меча и упал вниз, на спины своих сородичей. Его место немедленно занял следующий. И тоже свалился. Отпугивал ли их меч или лишал способности двигаться, я так и не понял. Во всяком случае, когда все закончилось, и я обессиленно сполз с дерева, внизу не оказалось ни одного насекомого.

Я привалился к стволу, и почувствовал, как на плечо мне мягко соскользнула кошка. Потерлась мордочкой о мое ухо и тихо мурлыкнула.

Казалось, мои виски вот-вот покроются инеем. С каждым шагом холодный обруч вокруг головы сжимался все туже. Впервые я почти сожалел о своем даре: сейчас он только мешал. Я и без него знал, что до Каменной Пасти осталось недалеко.

Ничего живого вокруг – лишь желтовато-серые скалы, и те крошились, словно зубы старика. По дну ущелья, правда, тек слабенький ручеек, но пить из него я не рискнул, хотя воды во фляге осталось немного, и приходилось ее беречь. Кешт, правда, тронула воду лапой и потом долго с отвращением отряхивалась. Выглядела она, откровенно говоря, неважно. Блестящая прежде шерстка потускнела и свалялась, бока ввалились, и только зеленые глаза горели прежней решимостью. Впрочем, я, скорее всего, смотрелся не лучше.

Я обогнул очередной выступ и замер. Впереди оказалась стена.

Проклятие! На возвращение придется затратить несколько дней, а пища и вода на исходе.

Я развернулся, готовясь идти обратно: отдыхать здесь почему-то не хотелось. Сзади раздалось требовательное мяукание. Я оглянулся. Кошка уселась у стены, перекрывшей дорогу и явно не собиралась двигаться с места.

– В чем дело, Кешт?

Я возвратился. Со вздохом вытряхнул немного земли из мешочка на ладонь. Растер. Облачко пыли взметнулось – и осело на камне стены.

«Это ветер, – хотелось сказать мне. – Здесь невозможно пройти». Но ветра не было.

– Кешт, – я присел на корточки, – если ты знаешь, как здесь можно пройти, самое время поделиться этим со мной.

Она поднялась на задние лапы и коснулась носом кошеля у меня на поясе. Я медленно развязал его и достал коробочку, которую мы прихватили из замка.

– Я должен это открыть?

В коробочке оказались какие-то семена. Я недоуменно повертел одно из них в пальцах.

– Ну, и что мне с ним делать?

Кошка ткнула носом в камни у самой стены.

– Кешт, ты уверена? Я, конечно, мало что смыслю в растениях, но ни трава, ни дерево не может расти на голом камне. Тем более, в таком месте. И потом – чем это нам-то поможет?

Кошка терпеливо ждала. Я пожал плечами и осторожно положил зернышко возле стены.

И не поверил глазам: темная кожура лопнула, из-под нее белым червяком вывернулся тоненький корешок и проткнул камень с такой легкостью, с какой игла прокалывает тонкую ткань. Через пару мгновений появился красновато-бурый росток, потянулся вверх – почка на его конце словно взорвалась, выбрасывая блестящие и узкие, похожие на клинки, листья. Я отступил на пару шагов: странное растение не внушало мне никакого доверия.

Корень начал ветвиться – по камню побежали трещины. Росток на глазах превратился в

молодое деревце с листьями цвета запекшейся крови. Корни становились все длиннее и толще, оплетая и пронизывая камни. Трещины углубились. Я отошел еще дальше, уже догадываясь, что сейчас будет.

И вовремя. Раздался треск – и земля провалилась, словно под ней была пустота. Внушительный обломок скалы вместе с укоренившимся на нем деревом обрушился вниз. На его месте зиял теперь провал в темноту.

Каменная Пасть.

Кешт подошла к краю провала и вопросительно поглядела на меня.

Я мешкал, делая вид, что высматриваю место, где легче спуститься.

Кошка коротко мяукнула и скользнула в провал. Мне ничего не оставалось, как поспешить за ней.

Я повис на руках. Подо мной была темнота, и я не знал, сколько лететь до дна пропасти. Снизу донесся кошачий крик, но эхо подхватило его, разбивая о стены, и не понять было, зов ли это или вопль боли. И далеко ли моя спутница, я тоже не смог разобрать.

Я разжал пальцы.

Темнота стремительно рванулась навстречу, сердце ухнуло куда-то вниз, но сразу вслед за тем ступни согнутых ног ударились о невидимую землю, я упал на бок, перекатился и тут же вскочил на ноги, на всякий случай выхватив меч.

И замер. Вокруг извивались змеи. Сотни, тысячи змей, еле видимых в слабом свете, достигающем дна провала. Кешт неподвижно стояла в двух шагах от меня. Она не выглядела испуганной или растерянной, но и не делала ничего. Словно ждала чего-то.

Одна из тварей подняла голову и зашипела, другая обвилась вокруг моего сапога. Положение становилось отчаянным. «Муравьи! – молнией пронеслось в голове. – Желтые муравьи испугались моего меча. Что если…»

Я опустил клинок вниз и коснулся им тела змеи, ползущей по ноге. Тварь тут же разжала кольца, упала на землю и уползла. Ее сородичи тоже подались в стороны. Я осторожно перевел дух.

И тут Кешт прыгнула. Мгновенно, с места. Острые коготки вцепились в куртку у меня на груди. Кошка едва не соскользнула вниз, но удержалась и вскарабкалась мне на плечо прежде, чем я протянул свободную руку, чтобы помочь ей.

Я выставил меч перед собой, опустив его почти до земли, и медленно пошел к проходу, который виднелся на противоположной стороне подземелья. Змеи нехотя расползались, уступая мне путь. Возможно, они преследовали меня – я не видел. Я не хотел оглядываться. Я ни о чем не думал.

Я просто шел вперед.

Дальше была темнота. Полная, без единого проблеска света.

Я двигался ощупью. В мешке у меня лежало несколько факелов, которые я заготовил на всякий случай еще в лесу, но я не решался зажечь их. Мне казалось, что свет потревожит покой того неведомого, что дремлет здесь, под землей. А я привык доверять чутью. И не имел ни малейшей охоты встречаться с другими здешними обитателями. Мне более чем хватило змей.

Кешт смирно сидела у меня на плече. Я осторожно вел одной рукой по стене, другой на всякий случай сжимая обнаженный меч.

Несколько раз я падал, споткнувшись о невидимые в темноте выступы, и мы с Кешт летели кубарем. Тогда, прежде чем она снова забиралась ко мне на плечо, я успевал

разглядеть светящиеся в темноте глаза кошки и на короткое время избавлялся от пугающего ощущения слепоты.

Один раз я чудом обогнул провал в бездну, пройдя по выступу шириной в ладонь. Я шел прижимаясь к стене, и смерть дышала холодом мне в лицо. Это был единственный раз, когда Кешт слезла с меня и пошла впереди сама.

Я давно потерял счет времени, но не чувствовал ни голода, ни жажды, ни усталости даже. Порой я сомневался, что еще жив.

А потом я услышал впереди шум воды. И увидел еле заметные лиловые отблески на стенах каменного коридора.

Кажется, мы пришли.

Странный лиловый свет был слабым, но после кромешной темноты, в которой мы провели последние несколько часов – или дней? – едва не резал глаза. Наконец, я смог оглядеться.

Перед нами было озеро. Из пролома в противоположной стороне пещеры в него падала вода. Я не видел ни реки, ни ручья, берущих начало в озере. Должно быть, отверстие, в которое уходила вода, находилось ниже поверхности озера.

Я остановился и вопросительно посмотрел на Кешт. Говорить не хотелось. Я без особого удивления подумал, что молчал все время пребывания под землей. И кошка не издала ни звука с тех пор, как мы покинули пещеру змей. Что ж, наверное, голоса в Каменной Пасти были столь же неуместны, как и факелы. И столь же опасны.

Кешт подошла к кромке воды. Посмотрела на меня, потом на водопад, потом снова на меня.

Нам туда, понял я. На ту сторону.

Мочить одежду мне не хотелось. Оставлять вещи на берегу хотелось и того меньше. Я разделся и аккуратно сложил все в мешок. Факелы, правда, пришлось выложить, но почему-то я был уверен, что они нам не понадобятся. Я поднял мешок над головой и вошел в обжигающую холодом воду.

Кошка осталась на берегу. Мне показалось, что спина моя вот-вот задымится под обвиняющим взглядом ее изумрудных глаз. Я собирался вернуться за ней, но вдруг почувствовал, что не могу оставить ее одну. И еще – что ей почему-то нельзя плыть самой.

Я вернулся. Достал из мешка пояс и крепко связал факелы, соорудив из них крошечный плот. Мешок и кошку он бы не выдержал, а вот одну кошку…

Кешт запрыгнула на плот, и я осторожно спустил его на воду. Некоторое время я шел, толкая его перед собою и с трудом удерживая равновесие на склизких камнях.

Но дно постепенно уходило вглубь, и в конце концов я поплыл, держа одной рукой мешок и подталкивая вперед плот с кошкой когда другой рукой, а когда подбородком и очень стараясь не наглотаться воды.

Вот в чем я точно был уверен, так это в том, что мне не следует пить из озера. Водопад приближался.

Кешт прыгнула на один из больших камней, выступающих из воды рядом с ним. Перебралась на соседний, потом еще на один – и оказалась прямо под водопадом.

Тут я отвлекся – мне нестерпимо хотелось выбраться из воды. Вскарабкавшись на обломок скалы, я снова взглянул на Кешт.

Она стояла неподвижно, как статуя, и струи воды стекали по ее телу в озеро. Не кошка. Женщина. Волшебница Кештиора Арнамагелльская.

* * *

– Как теперь выбираться? – я прижался губами к уху Кешт, чтобы она могла разобрать еле слышный шепот.

– Тем же путем, – ответила она так же тихо.

– Он один здесь.

– Ты сможешь плыть?

Она кивнула.

Добравшись до берега, я набросил на плечи Кешт свой плащ. Иной одежды для нее не было. Та, что мы взяли, осталась в мешке Аринионы.

Обратный путь оказался легче, хотя мне по-прежнему казалось, что на плечи давит незримая тяжесть, и камни над головой вот-вот обрушатся вниз. Хозяева подземелья не любили гостей.

И все-таки дорога была не такой тяжелой. Потому ли, что меня окрыляла радость или потому, что Кешт уверенно шла впереди, и я сжимал в руке ее крепкую горячую ладошку.

Змеи расползлись прочь от меча, открывая проход. Вот только, как мы выберемся теперь наверх. Я поднял голову, оценивая обстановку и едва не вскрикнул от радости. Сверху свисал побег с узкими багровыми листьями. Неправдоподобно длинный. Я сроду не видел таких ветвей у деревьев.

– Ключ-дерево, – шепнула мне волшебница. – Что ты рот-то раскрыл? Мы используем это растение уже сотни лет. Подсади-ка меня лучше. Не достаю.

Я поднял ее, Кешт ухватилась за ветвь, подтянулась и ловко полезла наверх.

Я дождался, пока она выбралась. Подпрыгнул, вцепился в побег ключ-дерева левой рукой, и только потом убрал в ножны меч: змеи были настороже.

* * *

– Вот мы и встретились, колдунья, – раздался наверху знакомый голос, когда я был примерно на полпути к поверхности. – Я ж говорил: сочтемся.

– Голтаргон, – с ледяным презрением отозвалась Кешт. – Как это тебе удалось уцелеть?

Я полез быстрее.

– Повезло, – сквозь зубы процедил оборотень. – Твое заклятие не сработало. Я сменил облик.

– Вот как! – насмешливо бросила волшебница. – Что ж, действительно, повезло. С тех пор, как я завершила учебу, такое случилось впервые. Не поделишься… впечатлениями?

Острые листья в кровь резали руки – я не замечал этого. До поверхности оставалось не более трех локтей.

– Короткая же у тебя память, колдунья! – я не увидел, но почувствовал, как он осклабился. – С моим братом у тебя ведь тоже ничего не вышло.

– С твоим… братом?

– Нарвальд, которого ты убила, был моим братом, – с ненавистью выдохнул он.

– Так значит, это ты его подослал! – голос волшебницы зазвенел от ярости. – Что ж, Голтаргон, воистину, нам есть о чем побеседовать. Только вот, здесь не лучшее место, чтобы

выяснять отношения. Давай отойдем хотя бы на лигу, и там я буду всецело к твоим услугам.

Я сделал последний рывок и высунул голову. Голтаргон стоял ко мне спиной: умница Кешт позаботилась об этом.

Оборотень расхохотался:

– Ну, нет, колдунья! Я сверну тебе шею здесь и сейчас. Думаешь, я не знаю, что рядом с Каменной Пастью ты не станешь использовать магию? Кое-чему я все же успел научиться.

Так вот почему Голтаргон меня не почуял! Но какая выдержка у Кешт! Этот оборотень вдвое больше нее, а у нее даже нет оружия.

Волшебница, между тем, сделала испуганное лицо и попятилась. Как раз настолько, чтобы Голтаргон, сделав несколько шагов за нею, освободил место, и я сумел выбраться из провала.

– Почтенная Кештиора Арнамагелльская, – вежливо сказал я, доставая меч. – Не будешь ли ты возражать, если с твоим собеседником сначала поговорю я, ибо в прошлый раз я не успел обсудить с ним кое-какие существенные вопросы?

Оборотень мгновенно развернулся и выхватил из ножен клинок.

– Пожалуйста, достославный Конан, – столь же церемонно отозвалась волшебница. – На сей раз я не стану тебе мешать.

Мечи со звоном скрестились.

Мой противник умел сражаться, и сейчас я вновь убедился в этом. Пару раз я чудом не оступился и не полетел в бездну. Кешт молча следила за нашим боем, скрестив на груди тонкие руки.

Мой противник умел сражаться, но все-таки я был опытнее. И быстрее. Мой меч с силой ударил по кончику его клинка – оружие вылетело из руки Голтаргона и исчезло в черном провале.

Оборотень изменил облик мгновенно. Я не ожидал этого, ведь он сам сказал, что нельзя творить волшебство рядом с Каменной Пастью.

Волк, раза в полтора превосходящий размерами обычных лесных охотников, прыгнул ко мне на грудь, сбивая с ног. Мы покатились по земле, каждое мгновение рискуя сорваться в бездну. Зубы лязгнули у самого горла, я увернулся, вцепился левой рукой в горло врага. И ударил мечом почти наугад, надеясь попасть в бок зверя. Клинок попал по чему-то мягкому, оборотень дернулся и хрипло завыл. Места для нормального замаха у меня не было, рана не могла быть серьезной. И все же ее хватило, чтобы отвлечь моего врага. В юности, когда я осваивал воинское искусство, нас специально учили терпеть боль. Сколько раз впоследствии это умение спасало мне жизнь, и я благословлял своих наставников. Голтаргон терпеть не умел. Он отвлекся совсем ненадолго, но мне хватило.

Усилием, от которого, казалось, вот-вот лопнут мышцы, я сбросил с себя врага. Я сумел вскочить лишь на мгновение раньше: несмотря на весь мой опыт, я был только человеком. Но все-таки я опередил оборотня – это и решило исход схватки. Он успел прыгнуть, но не успел уклониться от удара. Голова Голтаргона отлетела в сторону и ударилась о скалу. Тело рухнуло на меня, окатив струей горячей крови. Я едва не упал, но удержал равновесие, балансируя на самом краю пропасти. И тут земля дрогнула у меня под ногами и начала оседать вниз.

– Меч! – закричала Кешт. – Воткни меч в землю!

Я сделал это, не задумываясь, и кусок скалы, который сползал в бездну, увлекая меня за собой, остановился.

– Уходим! Скорее, Конан!

Я выдернул меч из трещины в камне и прыгнул. Скала, остановленная было силой моего клинка, с грохотом рухнула вниз. Волшебница оказалась рядом и дернула меня за рукав:

– Бежим!

Мы мчались изо всех сил, а земля дрожала под нами – похоже, под нами была пустота, прикрытая каменным сводом. И теперь этот свод распадался. То тут, то там, огромные куски его обваливались внутрь – пару раз мы чудом успели метнуться в сторону.

А потом, когда ноги уже почти не держали нас, и легкие горели огнем, все закончилось. Мы без сил опустились на землю, и Кешт разрыдалась, уткнувшись мне в грудь. Я не стал ее утешать, просто гладил по растрепанным рыжим волосам, давая выплакаться.

– Так что там произошло?

Я впервые решился спросить об этом. Прошло несколько дней, мы давно уже выбрались из ущелья, и вокруг были поросшие соснами невысокие горы.

Кешт ответила не сразу: она пила из родника. Это было такое невероятное счастье – снова почувствовать вкус воды. Живой. Настоящей.

Наконец, волшебница выпрямилась и вытерла ладонью губы.

– Голтаргон сказал, что рядом с Каменной Пастью невозможно использовать магию. А как же он…

Она покачала головой.

– Не невозможно. Просто никто в здравом уме не стал бы этого делать. То, что нам с тобой удалось убежать – чудо. Знаешь, я до сих пор не могу поверить, что мы остались в живых. Правда, – она помрачнела, – еще неизвестно, какой будет наша жизнь и чем придется платить за то, что мы потревожили духов камня.

– Не мы.

– Да. Возможно, именно поэтому нам и позволили уйти.

– Но почему Голтаргон сделал это? Ведь он – знал.

– Хотел уничтожить нас. Пусть даже ценой собственной жизни. Между прочим, ты оказал ему огромную услугу, Конан. Даровал легкую смерть.

– Сомневаюсь, что он оценил это.

Волшебница хмыкнула.

– Кстати, а что это за меч?

– Меч этот редкостный, таких на весь мир существует десятка два. Их куют в Замке Единорога, и каждый мастер может создать лишь один подобный меч за всю свою жизнь. А закаляют их в воде подземного озера.

– Того самого?

Она кивнула.

– Но как он попал к Голтаргону?

Кештиора вздохнула:

– Волшебники далеко не всегда ладят между собой. Голтаргон присоединился к одному из враждующих магов, а когда тот с его помощью уничтожил противника, потребовал в награду этот меч.

– А мне ты зачем отдала клинок?

Она долго не отвечала. Наконец, посмотрела мне в глаза:

– Сама не знаю. Просто почувствовала, что он должен быть у тебя.

Я окунул руку в источник и медленно провел влажной ладонью по лицу.

– Я вот никак в толк не возьму, почему твоя магия не подействовала на оборотня? Тогда,

в лесу.

– Сама ломаю над этим голову. Понимаешь, я не могла ошибиться. Заклятие было сплетено, как надо. Оно не могло не сработать.

– И усыпляющее снадобье не подействовало тоже. Даже усиленное магией.

Кешт вскочила на ноги и уставилась на меня так, словно у меня отросла вторая голова.

– Усиленное – чем? На этой игле, которую ты всадил в Голтаргона, было что-то еще, кроме мази из трав? Да знаю я, знаю, чем наемники мажут свое оружие! – она досадливо махнула рукой. – И яды знаю, и зелья. Но ведь ты говорил, что не любишь магии.

– Ну… – я поморщился, – одна старуха предложила наложить заклятие. В благодарность за то, что я вызволил ее младшего сына из плена. А я не хотел ее обижать.

– Пф-ф-ф! Стало быть, два заклятия наложились и лишили друг друга силы! – почти радостно воскликнула Кешт. – Только и всего!

Я невольно усмехнулся. Мы едва не погибли из-за этой ненадежной магии, а Кештиору, похоже, волнует лишь то, что это не было ее личным промахом. Волшебницы!..

И я мысленно дал себе слово никогда больше не пользоваться чародейскими штуками. Хватит с меня!

– Отдохнула? – спросил я. – Тогда пора идти дальше. Иначе мы и за год не доберемся до Арнамагелля. Пешком-то!

– Пешком? – Кешт подняла светлые брови. – Это еще зачем?

Словно в ответ на ее слова с неба камнем упал сокол и уселся ей на плечо. Волшебница осторожно сняла что-то привязанное к лапе птицы.

Серебряный браслет.

– Ари уже дома, – сказала Кешт. – И ждет нас там.

Поймала мой изумленный взгляд и звонко рассмеялась:

– Птицы сказали, кто же еще!

Из воздуха рядом с нами соткалась полупрозрачная дверь.

– Добро пожаловать в Арнамагелль, Конан-охотник.

– Нет, меч я оставлю тебе, – я почти сердился. – Я же говорил, что не люблю волшебство. Да и не умею я пользоваться магическими клинками, так что тебе от него будет больше проку. Я же предпочитаю честную сталь.

– Что ж, – Кешт пожала плечами, – как хочешь.

Она встала на цыпочки и прижалась носом к моей щеке.

– Когда тебя ждать теперь?

Я проглотил комок в горле.

– Может быть, через месяц. Может быть, через год. А может быть, через десять лет. Никогда не знаешь наверняка, сколько продлится дорога и куда она приведет.

Кешт уткнулась мне в плечо.

– Я буду ждать тебя, Конан-охотник. Смотри же, не рискуй головой больше, чем это необходимо. Я буду следить за тобою, имей в виду. Я буду посылать птиц.

Она чуть отстранилась и заглянула мне в глаза:

– Ты вернешься ко мне живым? Обещаешь?

– Обещаю. Если ты тоже пообещаешь мне кое-что, Кешт.

– Чего же ты хочешь?

– Когда надумаешь снова отправиться в лес, оставляй зеркальце дома!